

«МЕЙНСТРИМОВСКИЙ» ФЕТИШ

«НОВОЙ» МОДЕЛИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА В РОССИИ:

альтернативный взгляд

В статье рассматривается проблема формирования новой экономической политики в России, детально исследуются предложения отдельных либеральных экономистов, прозвучавшие на исходе 2014 г., связанные с дальнейшей приватизацией, либерализацией экономики, намеренным смещением акцентов со сдерживания безработицы на производительность труда и конкурентоспособность, ослаблением «промышленного патернализма» и «социального патернализма». Приводятся аргументы, которые не позволяют считать подобные «предложения» научно обоснованными, исходя из здоровой логики. Автор считает, что подобные программы будут продолжением того либерально-неоклассического шокового фетиша, который сотворил «злую шутку» с российской экономикой в 1990-е годы и закрепил неэффективную структуру в 2000-е годы. Приводимые доводы по существу составляют пункты альтернативной программы управления российским хозяйством.

На исходе 2014 г. было программно заявлено о необходимости институциональных системных реформ, которые создадут основу для новой модели экономического роста. Основу этой программы составила опять неоклассическая доктрина минимального государства и свободного рынка, требующая сложения регуляторной функции правительства, приватизации, снижения бюджетных расходов и различных видов государственного патернализма, включая так называемые социальный и промышленный патернализм. Подобные предложения опубликованы бывшими участниками правительства, а также лицами, которые влияют и причастны к разработке макроэкономической политики в России¹. Следовательно, либерально-монетаристский шабаш 1990-х годов возвращается. Необходимо дать оценку его перспективам и привести аргументы, которые бы не дали этому фетишу в очередной раз овладеть умами экспертов и консультантов правительства.

Эти аргументы находят выражение в следующих сюжетах.

1. Бюджетная политика² слабо связана с решением задач развития. Финансовая логика обеспечения балансирования бюджетных расходов и доходов преобладает при формировании бюджета. Подавление инфляции выступает и здесь важнейшей целью бюджетной политики, тем самым монетарное сдерживание разворачивается не только по каналу денежно-кредитной политики, но и бюджетной политики, причем оно способно усиливаться, ибо недостаточность монетизации обрабатывающих секторов приводит к

снижению налоговых доходов бюджета. Метод двух бюджетов — текущего и бюджета развития как отдельных статей-назначений бюджетных расходов не будет эффективно работать на задачи стимулирования экономики, если он вытекает и полностью подчинен «рестриктивной» логики, которая будто бы нужна для подавления инфляции, безотносительно к тому, растет экономика или ввергается в рецессию (депрессию).

Применительно к российской экономике важным требованием бюджетной политики является синхронизация бюджетных назначений с теми организационными и институциональными изменениями, которые заданы решениями правительства и будут вводиться поэтапно в экономике. В дальнейшем необходимо подчинить бюджетные назначения решению структурных задач в экономике с приоритетом поддержки крупных серийных производств и трансферта новых технологий для задач развития внутреннего рынка и решения проблемы диверсификации экспорта и обеспечения замещения импорта.

Создание стимулов инвестирования в частном секторе недостаточно для изменения факторной основы экономического роста в России в обозримом периоде, поскольку ресурсы для инвестиций объективно ограничены, состояние объектов, принимающих инвестиции, таково, что дестимулирует вложения в них. Поэтому необходимо сочетать государственные инвестиции и методы стимулирования и привлечения частных инвестиций, создавая институциональные и мотивационные условия для

¹ Имеется в виду А. Кудрин и Е. Гурвич.

² В частности, в России это бюджет на 2015—2017 гг.

притока капитала в те точки, которые определены как перспективные направления развития. Создавать стимулы только в системе государственного управления, как предлагают отдельные российские экономисты, является крайне усеченной задачей, тем более, если нет определения стимулов, какие они бывают и каким образом их создавать. Кроме того, априорно считается, что такое создание осуществляется без издержек, а это совершенно не так. Без возникновения стимулов обновления производств, развертывания серийных выпусков в частном секторе, без создания стимулов развития крупного бизнеса и концентрации капитала, который бы распределялся между обновлением фондов и подготовкой новых кадров для российских корпораций транснационального уровня, вести речь об эффективной рыночной структуре или создании так называемой рыночной среды для бизнеса бессмысленно, ибо только за счет малого и среднего бизнеса не удастся создать ни стимулов, ни эффективной рыночной структуры, да и отстоять в конкурентной борьбе внутренний российский рынок.

Рыночная среда, если уж вести о ней речь, предполагает наличие крупного бизнеса — транснациональных российских корпораций, на работу которых, в конечном счете, будет замкнут малый и средний бизнес, создавая локальные рынки и повышая устойчивость и маневренность крупного бизнеса. Учитывая, что в России отсутствуют подобные частные корпорации (равнозначные по конкурентному потенциалу западным транснациональным гигантам), целесообразно укреплять государственные корпорации³, повышая эффективность их управления и общую эффективность функционирования. Именно они составят основу для запуска серийных производств, линий, которые составят базу для вертикальной и горизонтальной кооперации и восстановления разорванных ранее технологических цепочек производства (в силу разрушения единого экономического пространства СССР и обвальная приватизации).

Именно государству необходимо решать задачу формирования рыночных структур, решить которую эффективно, распродавая государственные активы, невозможно, потому что факт распродажи лишает само государство инструментов влияния на рыночную структуру того типа, которая нужна обществу и отвечает традициям трудовой и бизнес-деятельности, историческим условиям данной страны. Для достижения такой цели (формирования современных рынков и типов бизнеса) государство может не только создавать корпорации с контрольным пакетом акций или контролировать естественных монополистов, но и реализовывать государственные инвести-

онные проекты инновационного типа, развертывая серийные производства новых типов изделий отечественной разработки, защищенных патентами, новых для внутреннего и внешнего рынка с перспективной продажей (чтобы окупить проект) заинтересованным собственникам, при сохранении общего контроля над данным продуктовым направлением⁴. Иными словами, собственника, заинтересованного в создании новых типов благ и финансировании исследований и НИОКР, необходимо создавать и данная организационная форма является одним из возможных способов.

Экономике и обществу нужен не просто владелец, распоряжающийся активами, продавая и дифференцируя их по своему усмотрению, а владелец, наделенный компетенциями развивать определенные виды деятельности. Кстати, если либеральные экономисты ведут речь о конкурентной среде, почему же допускают такую концентрацию капитала и не выступают против олигархизации экономической и общественно-политической жизни, так сильно беспокоясь о защите прав собственника. Именно эта и в таких формах защита (доведенная до некой абсолютизации и фетиша экономической политики) приводит к концентрации собственности (активов) и действует как антиконкурентный фактор, потому что создает силу власти собственника над объектом владения. Часто у собственника нет необходимых компетенций, чтобы этим объектом эффективно управлять, или даже представлять его подлинное назначение и характеристики (режимы) функционирования — развития. Это типичный пример, когда представители экономической науки обслуживают интересы крупного капитала и идеологически детерминированы в своих будто бы беспристрастных научных построениях.

Таким образом, деконцентрация собственности и капитала действовала бы в сторону повышения конкуренции, однако представители либерального (неоклассического) экономического крыла, предлагая повышение эффективности антимонопольной политики (за счет ужесточения бюджетных ограничений), оставляют без внимания необходимость снижения концентрации собственности и капитала — национального богатства в руках ограниченного числа граждан страны⁵.

Сокращение бюджетных расходов — это лишение соответствующих подсистем экономики финансового и другого вида ресурсов (зависящего от выделения финансов). Поэтому такое снятие якобы мягких бюджетных ограничений в пользу жестких не является ни методом повышения эффективности антимонопольной политики, ни тем более методом оптимизации рас-

³ Не предлагать их приватизацию, когда в стадии исходной низкой эффективности приватизация усилит эту неэффективность. Однако экономисты либерального лагеря считают, что частное априорно эффективно, государственное управление — неэффективно. Тем самым не учитывается ни генезис экономической системы, ни текущее состояние, ни факторы определяющие эффективность, ни само представление об эффективности и сравнении видов эффективности. В монографии «Теория эффективности экономики» (2009, 2014) автор показал, что эффективность государственного и частного сектора — это два вида эффективности, причем несопоставимые, как и два типа мотивов, которые могут быть в более согласованном или рассогласованном состоянии. Отторжение из области своего внимания подобных и иных аргументов представляет ошибку как логическую, так и фактическую, научную (ограничение профессиональной компетенции).

⁴ Все иные формы — инкубаторы, технопарки, технологические платформы и др. имеют вспомогательное значение относительно обозначенного способа восстановления индустриально-технологической, значит, воспроизводственной структуры экономики.

⁵ По имеющимся официальным оценкам, только 100 домохозяйств в России владеют 33% (третью) национального богатства страны. Такая власть «финансового политбюро» РФ не снилась политбюро времен СССР.

пределения ресурсов и повышения общей факторной производительности. Недофинансирование факторов производства, а при фронтальном ужесточении бюджетных ограничений, что и предлагают российские неоклассики, это произойдет, не может быть обеспечено повышение их общей производительности⁶. Эти факторы начинают терять качество, приспосабливаться к дефициту финансирования. Агенты, управляющие этими факторами, модифицируют или теряют продуктивные стимулы своей деятельности.

Предлагая так называемые структурные реформы, либералы-неоклассики трактуют их весьма усечено, хотя справедливо берут у российских градуалистов (без ссылок на них) идею о том, что только системность действий, согласованность и обоснованная последовательность изменений способны привести к успеху. Однако сами структурные изменения (реформы) они сводят только лишь к регулированию товарных рынков, рынка труда, налогов на труд, пенсионной системы. Эти паллиативные типы воздействий, без которых трудно представить необходимые изменения, тем не менее, не системны и трактуются ограниченно и примитивно.

Например, снятие мягких бюджетных ограничений трактуется как способ повышения эффективности государственных расходов (что является неверным даже при очень узкой трактовки эффективности бюджетных расходов, зависимой не только от величины расходов, но и от состояния объекта получения финансов), что позволяет выполнить обязательства без увеличения налоговой нагрузки. А как же трактовать те обязательства, которые наверняка будут свернуты по причине снятия мягких бюджетных ограничений? К тому же недофинансирование различных подсистем экономики способно привести к снижению налоговых доходов от этих подсистем, что создаст следующий виток необходимости ужесточения бюджетных назначений (расходов). Сократить производственные издержки, не изменяя структуру затрат невозможно, даже имея резервы по сокращению, которые обусловлены различными видами неэффективности на различных объектах.

Однако фирмы и другие агенты экономики ведут неуклонный мониторинг своих издержек, отдельные из них целенаправленно реализуют программы по их снижению, а диапазон дальнейшего снижения довольно ограничен, если учесть, что в обрабатывающих секторах многие виды деятельности функционируют на грани убыточности, что побуждает агентов снижать издержки. Те агенты, которые имеют сверхприбыль, могут быть не мотивированы к поиску резервов снижения издержек, но это большей частью монополисты. Следовательно, решение извечной проблемы снижения издержек,

которая была актуальна во все времена (включая и период СССР) во всех экономических системах, потребует изменения экономических структур и, что важно, макроструктуры и базовых институтов.

Подобные аспекты никак не обозначены в работах отечественных неоклассиков, предлагающих очередные либеральные фетиши. Изменение структуры затрат — это изменение базовых пропорций в экономике и изменение многих видов правил — институтов, касающихся ценообразования, налогов, расчетов и т. д. А не создание некоей рыночной среды и эфемерной ответственности в рамках этой же по сути структуры и этих же правил, которые исчерпали возможности роста, который по правде не был «заработан» российской экономикой. Подобными приемами и схоластикой новую модель экономического роста не создашь. Также как и заимствование технологий, которое признается путем «наиболее эффективным для повышения производительности в странах», находящихся на таком же уровне развития, как Россия. Кем признается, почему признается, нет ли в этом признании ошибки? А она точно есть, так как технические системы развиваются так, что всегда присутствует заимствование, важен лишь его уровень. Однако при отсутствии должных попыток задействовать свой научно-технический потенциал, заимствование выглядит как способ конкурентного поражения страны и привязки к импортным технологиям, комплектующим и т. д.

Рекомендовать стратегию значительного заимствования технологий по импорту для России, ссылаясь на какие-то страны, нельзя. По мере потребности заимствование всегда происходило и будет происходить, но многие виды производств, включая невоенные средства производства, необходимо развивать за счет возрождения российской технологической базы.

2. Ошибка этих экономистов сосредоточена даже в оценке того, что происходило с российской экономической системой в 2000-е годы. Экономический рост в этот период базировался не только на том, что нефтяные сверхдоходы обеспечивали подпитку внутреннего спроса (что верно и известно), а бизнес расширял производство вместо обеспечения его эффективности, а на том, что рост цены нефти обеспечил должный прирост чистого экспорта и доходов бюджета, которые повлияли на все компоненты ВВП, что было усилено политикой монетизации экономики. Бизнес же в основном становился элементом импортной инфраструктуры, не решая национальных задач развития производственной базы в принципе. Сформированная модель экономического роста базировалась на «валютно-процентном рычаге», порочном круге структурной деградации с вытекающим усилением ее и технологической зависимости экономики, под-

⁶ Ссылки на проводимые за рубежом исследования требуют обязательной верификации именно этих исследований — каждого в отдельности и детально. Наличие подобных ссылок в качестве некоего примера или аргумента для другой экономической системы в действительности аргументом не является, так как факторная основа и условия — структура и институты (включая стимулы, о которых пекутся либералы, могут быть и, как правило, оказываются, совершенно различными). Это типичное манипулирование информацией в сопоставительных целях для подтверждения собственных неких установок не связанное ни с научным анализом, ни с логикой, ни с фактами развития конкретных систем. О том, что изменений денежно-кредитной и бюджетной политики недостаточно для позитивных изменений в российской экономике и для формирования качественно новой модели экономического роста, писали многие экономисты Российской академии наук, включая автора этих строк на протяжении всех 2000-х годов, сопротивляясь разрушению обрабатывающих секторов в 1990-е годы.

питка которой осуществлялась за счет распродажи государственных активов, росте услуг и торговли, финансовых спекуляций, что в итоге и стало тормозом роста при исчерпании динамики нефтяных цен. Это никакой не импортированный рост — такого типа роста не существует (это абсурдно по существу), а так называемый рост без развития или модель обедняющего роста, осуществляемая за счет растраты национального богатства.

Сведение подлинных структурных проблем развития экономики к слабости «рыночной среды» требует от либеральных экономистов определить, что такое сила рыночной среды, чем она измеряется и как не нее влияет государство, ведь на некоем произвольном рынке действуют частные субъекты спроса и предложения, формируя эту среду. Поэтому слабость такой среды — это слабость агентов, из которых состоит экономика, но слабость какая, в чем, и в чем сила? Подобное же возражение стоит адресовать и расплывчатому неадекватному термину «рыночная ответственность». Ответственности не может быть перед товаром, она может быть только перед агентом, но в таком случае, зачем наделять ее эпитетом — «рыночная». Экономическая наука на сегодняшний день не выработала схем и решений по перемещению доминирования. Поэтому, утверждая будто государство доминирует в экономике посредством государственных корпораций и это является причиной проблем экономического развития, даже если согласиться с таким недоказанным и неадекватным положением, то как изменить одно доминирование на иное, и не приведет ли смещение доминирования вообще к провалу в области экономического развития данной системы, без отсылок на изучение иных экономических систем.

Стимулы являются основным элементом психологической модели поведения агентов в экономике. Однако их создание не может быть самоцелью в экономике и в экономической политике. Действующие институты и структуры сильно влияют на стимулы агентов. При этом стимулы сильно детерминированы нравственно-культурной компонентой современного общества. Исключительно экономическое влияние или экономические изменения могут оказаться неуспешными относительно этой более сильной и трудно изменяемой компоненты (традиции, обычаи, мораль и этика хозяйственного поведения и др.).

Задача формирования неких стимулов расплывчатая и схоластична, потому что в экономике задачи должны быть конкретны, именно конкретика и прагматизм в большей степени способны повлиять на стимул именно экономического поведения. В частности, развертывание серийных производств — вот, что способно повлиять на стимулы. Но кто это будет делать — частный собственник? У него к этому нет стимулов, потому что производить — это значит много работать, а собственник минимизирует усилия при данном уровне дохода, который способен

получать от имеющихся активов. Предложение по ослаблению бремени государственного регулирования в этом ключе и с позиций формирования стимулов (кто будет формировать — сам собственник?) и с позиций того, что бремя это никто не измеряет и не оценивает, выглядит противоречивым и необоснованным. Тем более, подобные горе-экономисты упускают из виду возможную связь со скоростью и характером институциональных изменений и темпом роста, несмотря на имеющиеся работы отечественных авторов на эту тему. Не принимая во внимание существо проблем, пороки той модели, которой они верны, их будто бы системные действия (реформы), по сути, окажутся поверхностными мерами, пролонгирующими всю ту же модель экономического роста, за счет интенсификации отдельных ее факторов. Возникает феноменальное противоречие, когда желание изменить модель оборачивается интеллектуальным банкротством предложений по подлинному изменению. Остается довольствоваться только иллюзией понимания того, что модель требует замены⁷.

Так, будто бы точный анализ ситуации на рынке труда России приводит к необходимости сокращения избыточной занятости, особенно в государственных секторах, повысить пенсионный возраст, увеличить предложение труда (за счет сокращений) и не допускать повышения заработной платы опережающим темпом по отношению к производительности труда. Эти предложения — положения нового «либерального экономического шаблона» как нельзя лучше обнажают нацеленность на ангажированное (не научное) обслуживание интересов капитала.

Все эти меры означают одно — увеличение бремени труда, ущемление прав трудящихся, которые во многих секторах экономики, в частности в государственном, работают на пределе человеческих возможностей (профессор читает лекции в 5—7 вузах, врач и учитель берут дополнительные дежурства или часы, а в полиции и армии такие возможности ограничены — поэтому о какой производительности там идет речь). Околонуная схоластика не должна ретушировать сути вопроса — труд в России недооценен и требует увеличения стоимости вне связи с производительностью труда, чтобы сохранить кадры и поддержать мотивацию высококвалифицированного труда. А производительность сильно зависима от технологического фактора, повышение производительности это повышение механизации, автоматизации и интеллектуализации труда, а не сокращение избыточного персонала при текущем уровне автоматизации и механизации.

Повышение заработной платы в бюджетном секторе связано с необходимостью, во-первых, индексации заработной платы в связи с инфляцией, во-вторых, сохранением мотивации труда и закреплением кадров и антикоррупционной составляющей. Поэтому увязка заработной платы бюджетников с

⁷ При этом данные либералы ни разу не ссылаются на экономистов РАН, даже на академиков, не говоря о докторов, профессорах, что побудило меня, разбирая их предложения также нарочно уйти от соответствующих упоминаний имен и фамилий этих людей, которые возглавляли министерства и ведомства нашей страны и проводили разрушительную политику.

производительностью труда является не обоснованной, как и некорректным является противопоставление конкурентоспособности и безработицы, причем борьба с безработицей должна уступить борьбе за конкурентоспособность. Такие противопоставления говорят об абсолютной неинформированности о состоянии обрабатывающих производств и специфики труда в бюджетном секторе. Доверие инвесторов необходимо воспроизводить не за счет дешевых «обосновывающих реверансов» в сторону интересов капитала, не считаясь с экономическим анализом и фактическим содержанием проблем, а, наоборот, повышая качество и технологичность экономики, аналитическую достоверность и обоснованность правительственных мероприятий.

Переобучение персонала, подготовка новых кадров, повышение мобильности труда — все это требует ресурса, с вытекающей нагрузкой на бюджет и на частного собственника. Следовательно, непонимание структурных и институциональных проблем как раз и приводит к схоластическим предложениям такого рода, которые оторваны как от эмпирического, так и логического научного анализа тех фактов, которые имеются по конкретным экономическим системам.

Все эти неточности можно было бы считать досадными упущениями или полемичными аспектами, если бы не центральный «методологический дефект» выстраивания экономического анализа и рекомендаций. Этот дефект сводится к применяемой схеме «диагностики роста» Д. Родрика [1]. Это, по сути, алгоритм, который содержит два этапа действий: 1) выявление препятствий экономическому росту; 2) подбор мероприятий экономической политики, упраздняющих эти препятствия либо элиминирующих их. Однако дефект состоит в том, что алгоритм Д. Родрика позволяет выяснить причины торможения роста, того роста, который сложился, но точно определить факторы и их изменчивость этот алгоритм не позволяет. К тому же, даже установив причины торможения сложившейся модели роста, данная схема не позволяет точно подобрать инструменты, не только снимающие причины торможения, но и инструменты, воздействующие на новые факторы роста. Иными словами, не видна структура экономики и ее «сильные» институты, изменение их состояния. Поэтому подбор инструментов, снимающих препятствия росту, возобновляет прежнюю модель роста, реанимирует ее, вероятно в слегка модифицированном виде (в лучшем случае). На большее данный методологический прием просто не рассчитан.

Таким образом, основная проблема российской экономики в том, что обрабатывающие секторы бедны капиталом и финансами, а спекулятивные секторы и сырьевые секторы относительно богаты. Высокая норма сбережений ровным счетом ничего не означает, инвестиций она не в состоянии обеспечить, к тому же проводимая финансовая политика делает их невозможными в стране безотносительно к тому, как защищены права собственности и есть или нет конкурентная среда (все эти аспекты быстро

обеспечить невозможно, однако имеющиеся ресурсы не инвестируются уже на протяжении нескольких лет). Именно высокий процент и разрешение в ходе многолетней (более чем десятилетней) одной и той же финансовой политики, приводящей к разрушению реальных объектов инвестирования, и провоцируют вывоз капитала и модель «гобсека», согласно правилу лучше отложить, чем рисковать вложением этих средств (отложить, разумеется, под высокий процент, который в разы выше рентабельности вложений). Данные уточнения, совместно с рассуждениями либеральных экономистов вместе с тем никак не означают, как те утверждают, что финансовых ресурсов в российской экономике достаточно для экономического роста. Сравнение производительности труда частного и государственного сектора не выдерживает критики по обозначенной причине различий в эффективности этих секторов и их назначении в экономике. Да и факт разницы не означает необходимости сокращения государственного сектора — передачи активов в частные руки [2].

3. Кризис мировой финансовой системы нельзя считать преодоленным по причине того, что возникают очертания новых валютных центров (систем), раунд в Дохе является по сути незавершенным, что означает незаконченность в формировании мировой валютной системы с вытекающими проблемами по функционированию национальных валютных систем во всем мире. России выгодно поощрять диверсификацию своих валютных резервов, вытесняя доллар, конечно, осуществляя это постепенно. Но с течением времени в обозримой перспективе такая политика должна быть продолжена. Учитывая геополитические вызовы, необходимо защитить денежную и финансовую систему (расчеты, платежи, банковские операции), создав тем самым режим финансовой безопасности развития России. Данные системы должны иметь такие демпферы, которые бы уберегали финансовую систему нашей страны от внешних рукотворных потрясений. Практически пригодные для этого инструменты имеются (платежная система, диверсификация резервов и др.). Для Центрального банка требуется иметь алгоритм (пакет мер) на случай любой девальвации (по пресечению спекулянтов), причем это не только, и не столько повышение ставки процента, что явилось своеобразным шоковым методом для иных агентов и участников экономики, сколько набор административных методов и методов из области изменения банковских стимулов и психологии спекулянтов.

Помимо чистого экспорта, который для России действительно зависит от цены нефти, слагающими ВВП являются внутренние расходы, инвестиции и правительственные расходы. Поэтому привязка анализа, да и всех действий в рамках экономической политики, только к цене нефти в длительной перспективе не может составить истинного критерия формирования бюджета и самой экономической политики. Ресурсы финансового и банковского сектора необходимо в большей степени подключать разными способами для решения стоящих задач

экономического развития. Для решения указанных проблем полезно применить принцип процентного портфеля и принцип «плохого баланса» для банковской системы в целях разрешения структурных диспропорций и активизации инвестиций в обрабатывающих секторах экономики [3].

4. Риски денежно-кредитной политики в России современного этапа связаны с высоким процентом, который укрепляет позиции отнюдь не обрабатывающих, а «спекулятивных» секторов экономики, но не ликвидирует основы валютной и иной финансовой спекуляции в принципе, потому как при снижении процента, спекулятивные модели поведения опять реанимируются.

В условиях рецессии (депрессии) рестрикции в денежно-кредитной и финансовой сфере опасны для развития экономики. Поэтому необходимо отказаться от жестко рестриктивной денежно-кредитной и финансовой политики, одновременно подготовив меры по институциональной блокаде спекулятивных видов деятельности на различных рынках транзакционного сектора (валюта, фондовый рынок, финансовый сектор, банки). Главное правило — экономический рост нового типа должен быть «заработанным ростом». Нужно открыто заявить, что российский экономический рост 2000—2008 гг. был ростом эйфории, по сути, незаработанным экономическим ростом, а ростом при сокращении национального богатства, ресурсов, и закрепления крайне неэффективной экономической и институциональной структуры экономики. Необходимость изменения этой структуры и должна составить основу новой модели роста вне связи с его темпом на первом этапе изменений, так как обновляемая структура должна обеспечить рост нового качества, который в «неспекулятивном» режиме не может быть очень высоким по темпу⁸.

Конечно, можно свести развитие экономической системы к принципу сравнительных преимуществ, обозначенному еще в трудах Д. Риккардо, согласно которому страна в своем производстве специализируется на тех продуктах, в создании которых обладает сравнительным преимуществом, то есть изобильным фактором производства. Для России — это, безусловно, сырьевые, первичной и более глубокой переработки продукты. Проблема состоит только в том, что в таком случае трудно обеспечить безопасность государства. Однако ни А. Смит, ни Д. Риккардо не учитывают фактор безопасности, а также фактор значения государства на мировой арене — это не рассматривается ими как благо, производство которого связано с реализацией ими провозглашенных принципов международной торговли и международного разделения труда.

5. Необходимо обеспечить координацию финансовой и денежно-кредитной политики, связав их с провозглашаемыми задачами развития государства и

бюджетными установками (концепция бюджета). Если этого нет, задачи не должны ставиться и декларативно объявляться. Если инфляция в 4—4,5% будет главным тезисом макроэкономической политики, которому будут подчинены все решения в области финансов и денежно-кредитной сферы, ни новой модели роста на новых факторах, ни самого развития как такового организовать не удастся по простой причине — такая инфляция не является имманентным характеристическим параметром текущей и развивающейся в ближайшей перспективе российской экономической структуры, просто сложившиеся пропорции не отвечают этой цифре. Иными словами, ускорение роста до 5% в условиях такой структуры обеспечит сразу инфляцию выше 5—8%, а то и до 10—12%. Иные структурные соотношения в принципе пока не возможны.

Структура российской экономики такова, что решение задач развития возможно только при более высокой инфляции, как некоего эволюционного атрибута экономической системы. Это нужно признать и отразить в соответствующих бюджетных документах и постановлениях правительства.

Особо нужно отметить и подчеркнуть, что появившиеся публикации, доказывающие опять необходимость «ухода государства из рыночной экономики», «защиту прав собственности», «борьбы за конкурентоспособность ценой сокращения занятости», «неповышения заработной платы в госсекторе, так как она опережает производительность» (не поясняя, что имеется в виду под уходом, под производительностью, особенно учителей и врачей, инженеров и военных), не учитывают, что труд и так недооценен.

Применение таких терминов как «рыночная ответственность», предложения по сокращению занятости говорит об отсутствии элементарных компетенций в области экономической науки, и понимания экономики собственной страны. Однако подобные исследовательские результаты публикуются в известных российских журналах, но отражают по существу возврат к тем ошибкам, которые уже наблюдались в 1990-е годы, вызвав шквал протестной и обоснованной аргументации со стороны академиков РАН (Абалкин Л. И., Львов Д. С., Макаров В. Л. и др.), когда государство и рынок противопоставлялись, когда были призывы отказа от «промышленного патернализма», что и обеспечило деградацию индустрии и экономической структуры в те годы.

Реанимация порочной логики сегодня выглядит несколько обновленно: проблемы России в том, что не дано простора развитию рынков, рыночной экономики, что государство опять усилило свое влияние и привнесло неэффективность. Таким образом, причина провалов экономической политики прошлых лет в недоразвитости рынка, как и причина кризиса 2008—2009 гг. с пролонгацией его до 2013—2014 гг.⁹. При этом, с их точки зрения

⁸ Достаточно темпа экономического роста 3—4%, если его обеспечит изменяемая структура экономики.

⁹ Нужно отметить, что Российская Федерация не вернула ряд важнейших макропараметров уровня 1990 г. к 2014—2015 гг. (за четверть века), а именно промышленное производство, инвестиции в основной капитал, сельскохозяйственное производство, реальные располагаемые доходы населения. Такого примера, когда страна за 25 лет не восстановила базовые макропараметры своего развития мировая история, особенно по наиболее развитым странам, не знает ни в периоды потрясений, ни в периоды войн. Это убийственный показатель «системного кризиса» данной экономики, а может быть и глубокого кризиса экономического мышления и образования, методов управления и экономической политики, которые являются элементами системы, плохое состояние которых и обеспечивает системность кризиса.

**ХАРАКТЕРИСТИКА «ЛИБЕРАЛЬНЫХ» ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ
И ВОЗМОЖНЫЕ НЕГАТИВНЫЕ СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА**

Изменения	Содержание	Характеристика
Сократить нерыночный сектор и «нерыночные» мотивы	Отчуждение непрофильных активов. Программа приватизации. Сократить поручения государства госкомпаниям. Выйти из капитала компаний несырьевого сектора	Сокращение возможностей решения социальных проблем в госсекторе. Распродажа активов с локальным решением проблемы бюджетных поступлений, но утратой диапазона управления и дополнительного ресурса — резерва, без влияния на эффективность экономической структуры. Потеря контроля над технологиями двойного назначения, а также критическими технологиями при выходе из капитала компаний несырьевого сектора
Мотивация руководителей стимулировать рост за счет улучшения инвестиционного климата	Оценка чиновников по критериям, включая оценку граждан	Зависимость от вводимых критериев и методик подобной оценки, условность оценки, не связанная никак с качеством госуслуг и эффективностью работы госаппарата. Сама по себе оценка не создает мотива, но воспроизводит усилия по ее фабрикации, подобно тому как сегодня уже фабрикуются (искусственно повышаются) индексы цитирования Хирша в научной среде России, а суть научной работы, ее смысл и содержание и понимание отходят на второй план. Отсутствие связи между инвестиционным климатом и оценкой руководителей и их реальными усилиями и возможностями (оценить объективные условия ухудшения этого климата и связать с усилиями чиновника)
Перераспределить ресурсы в пользу регионов, включая полномочия	Финансовая автономия. Местное самоуправление. Конкуренция территорий. Объективация доли дотаций и трансферты местным органам власти	Потребуется дополнительные бюджетные ресурсы, которые при общем ужесточении бюджетных ограничений по этой доктрине невозможно аккумулировать. Данное предложение противоречит пафосу общей либеральной доктрине. Расплывчатость критерия объективации доли дотаций регионам и местным властям. Эфемерность конкуренции территорий при таком экономическом пространстве России, структуре экономики и затратах с нею связанных. Наблюдается пока непреодолимое явление дивергенции регионов и локализации региональных рынков, что противоречит схоластическому конкурентному посылу, который не обеспечит роста как такового
Повысить защищенность собственности	Реформа судебной системы, независимость судебных решений, исключить решение хозяйственных споров посредством уголовного суда	Какова должна быть степень независимости и процедурно-институциональная суть судебной реформы, права могут быть защищены, но экономика не росла желательным темпом. Исключение уголовной ответственности снизит эту ответственность, во всяком случае рыночная ответственность, за которую ратуют либералы, как минимум, не повысится
Сократить контроль бизнеса	Отмена избыточных нормативов, административного контроля, числа проверок*, «презумпция невиновности бизнеса»	Позитивная мера, однако, вся проблема в масштабе сокращения, который способен обеспечить реанимацию девиантных моделей поведения, оппортунизма, злоупотреблений и увеличит незаконные виды деятельности и сделки
Институты развития и конкуренция	Усилить Федеральную антимонопольную службу, снимающую барьеры на вход и ограничивающую крупные монополии	При отсутствии агентов, желающих войти, снятие барьеров на вход является сизифовым трудом, требующим опять же критериев, включая оценку институтов входа со стороны антимонопольной службы. Разукрупнение монополий, либо сильное ограничение деятельности (рост издержек) способно затормозить рост, поскольку отсутствуют корпорации необходимой конкурентоспособности международного уровня, а без них вся рыночная структура является усеченной и ущемленной в конкурентном смысле
Жесткие бюджетные ограничения	Свернуть финансирование неэффективных компаний. Оптимизировать расходы. Пенсионная система. Госзакупки (оптимизация)	Рост банкротств, вероятно, по надуманному критерию эффективности, с вероятным ростом безработицы и торможением роста, политика жестких рестрикций противоречит политике поддержки экономического роста нового качества, при финансовом дефиците новые институты и критерии будут терять качество и эффективность. Тендеры (торги) неэффективны, снижают эффективность государственных закупок, повышают транзакционные издержки
Свертывание патернализма социальной политики	Адресная политика — критерий нужды	Неадекватно, поскольку адресная политика не означает отсутствие патернализма, изменяется общий патернализм на адресный. Это не влияет на рост в прямом смысле и на стимулы, поскольку является перераспределением созданного дохода. От критерия «нужды» будет зависеть эффективность социальной помощи
Реформа бюджетных секторов	Привлечь иностранных строителей в конкурсы на строительство дорог. Реформа здравоохранения, образования, полиции	Приведет к сокращению персонала, росту безработицы, дополнительным социальным тяготам, раскоординации работы различных подсистем по необоснованным институциональным трафаретам. Снижение приоритетности предоставления работы своим производителям под видом добавочной конкуренции, что применительно к стратегическим объектам инфраструктуры неоправданно

* Заявлено в Послании Президента России Федеральному собранию РФ в декабре 2014 г.

именно «промышленный патернализм» обеспечил неэффективность развития, поэтому от него надо отказаться, и это рассматривается как важнейшее институциональное изменение. Доказательством такого тезиса выступают данные по программам развития, когда цели программ достигнуты далеко не все.

Однако возникают два аргумента, полностью разрушающие логику такого анализа и манипуляцию цифровой информацией по программам развития (цели которых действительно достигнуты не все, да и расходование финансовых ресурсов выстроено не по оптимальным (рациональным) схемам — эффект недофинансирования, смещение финансирования к 3—4 кварталам текущего года, наличие тендеров, увеличивающих трансакции, неэффективность и др.).

Во-первых, почему «доразвитие» «недоразвитого» рынка все решит, причем этому опять придается облик безальтернативности.

Во-вторых, если «виноват» «промышленный патернализм», то почему эти экономисты считают, что он был в анализируемые ими годы «доразвит». Он мог быть также недоразвит, как и рынок, о котором они так «бескритериально» беспокоятся. Может быть, его проблема в том и состоит, что именно он недоразвит, и данные экономисты, занимавшие ответственные посты в правительстве и министерстве финансов в то время, причастны к этому напрямую, а сегодня формируют критику этого неэффективного патернализма. Они не доказывают ровным счетом ничего, даже не удосуживаются изучить, что такое эффективность.

Дадим краткую характеристику возможным мерам «спасительных» институциональных реформ (см. табл. на стр. 21).

В таблице дана подробная характеристика предложениям либеральных экономистов осуществления институциональных реформ в России для смены модели экономического роста, указаны вероятные негативные исходы осуществляемых изменений (правый столбец). Принцип действия по всем направлениям сразу, без оценки ресурсов и эффектов взаимной адаптации агентов, работающих во всех подсистемах, также не годится при осуществлении изменений такого плана, не говоря уже о том, что все они исходят из логики порицания

промышленного патернализма и государства, но поощряют и возвеличивают конкуренцию и сокращение регуляторных воздействий без должных обоснований. Надежды не могут быть побудительным мотивом к действию — конкуренция организуется конкретными институтами, а монополии (даже согласно Шумпетеру-Гэлбрейту) обеспечивают концентрацию ресурса на финансирование исследований и разработок, чего никогда не делал малый и средний бизнес. Даже так называемый малый инновационный бизнес не может противостоять силе крупных монополий, выступающих центрами лабораторных исследований и разработки новой техники. Конечно, малые коллективы способны осуществлять отдельные наукоемкие разработки, но серийные производства им не под силу. Поэтому, рассуждая об экономической структуре необходимо учитывать это обстоятельство, причем высокотехнологические секторы не могут быть сформированы сами по себе, структуру их рынка необходимо формировать. Следовательно, приводимые аргументы отрицательного влияния предлагаемых мер институциональных изменений никак не представляют обоснованную стратегию развития российской экономики, не говоря уже о новой модели роста, потому что подобные изменения институтов никак не задействуют новые факторы роста.

Таким образом, главный урон экономической политики любого вида наносит не научное и идеологически предвзятое ее обоснование, а потеря основного стержня такой политики. Для России стержень экономической политики, направленный на сокращение доли государства в решении задач экономических изменений, является самым неэффективным, который при абсолютизации способен действовать в сторону «периферизации» экономики и потери политической самостоятельности государства, его сильной структурной зависимости с вытекающей потерей суверенитета в будущем. Именно этого мы должны избежать, выстраивая политику сугубо на прагматично-научных основаниях и опыте нашего управления, который даже отрицательный обладает большей полезностью для страны, нежели сугубо идеологические предложения, имеющие целью оправдать лично себя, подкрепляя свои амбиции ученого, бывшего министра или консультанта правительства.

Олег СУХАРЕВ,

доктор экономических наук, профессор,
заведующий сектором Институционального анализа
экономической динамики ИЭ РАН

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rodrik D.* Diagnostics before Prescription // *Journal of economic perspectives*. 2010. Vol. 24. № 3. P. 33—44.
2. *Сухарев О. С.* Приватизация, национализация и экономическая реформа. — М.: Финансы и статистика, 2013.
3. *Сухарев О. С.* Структурные проблемы экономики России. — М.: Финансы и статистика, 2010.